

24 апреля – 80 лет со дня рождения (1927) Владимира Ильича Радкевича, пермского поэта. В. И. Радкевич родился в г. Белом Смоленской области. В 1941 г. был эвакуи-

ирован в Башкирию, там окончил школу. Приехав в Пермь, поступил на историко-филологический факультет Пермского госуниверситета, где и состоялись его первые выступления с собственными стихами.

Воспоминания журналистки Т. Черновой: «Его невозможно было не заметить. В него невозможно было не влюбиться. И он отвечал любовью на любовь. Но вот чудо – неухоженный в быту, вечно безденежный, не всегда трезвый, хулиган и задира в мужской компании – он был нежен и заботлив с девушками. Его сердце было всегда влюблено, и хотя симпатии быстро менялись, девушки на него не обижались. Он ведь поэт... А поэту жить трудно. Не только в быту, а в душе было неустроено. При всей внешней легкости, он трудно сходилась с людьми и к дружбе относился с особой требовательностью».

Получив в 1949 г. диплом, работал заведующим сельским клубом, инспектором областного отдела культуры, корреспондентом различных газет, радио. Печататься начал в 1947 г. В 1959 г. был принят в Союз писателей. Первый сборник стихов вышел в 1961 г.

*Молодость сочтя за преимущество,
Только ей, как божеству кадим.
Надобно особенное мужество,
Чтоб не оставаться молодым.
Солнце светит
даже и за облаком.
Есть исток и устье у реки.
И цветок,
чтоб стать под осень яблоком,
По ветру бросает лепестки.*

Радкевича уже при жизни называли мастером стихотворной публицистики, певцом Камы и Урала. Никто из поэтов Прикамья не посвятил столько стихов нашему краю и Перми – жарких, пропущенных через сердце.

*От злого глаза,
от чуждой отравы,
От равнодушья к другу
и врагу
Меня спасут языческие травы
На камском
древнерусском берегу,
Затмит мои ошибки
и промашки,
Кромешное семейное житье
Негромкий запах
беленькой ромашки
Лекарство предпоследнее мое.
Сиянье неба
над безлюдным полем
Такая голубая глубина!
И я здоров. А ежели и болен,
То – только тем,
чем вся земля больна.*

Кроме лирики, Радкевич писал и сатиру. Ему много досаждали партийные боссы и чиновники, и он отводил душу сочиняя едкие эпиграммы на весь пермский обком. Эпиграммы ходили по рукам. Пермь смеялась, партократы злились.

По воспоминаниям М. Смородинова: «Диссидентом», как таковым, Владимир Ильич никогда не был. Раздражал его не строй, а «начпупсы», полагавшие, что с высот должности можно руководить всем и вся. Местную номенклатуру, вплоть до секретарей обкома, Радкевич одарил эпиграммами разной степени стервозности, так сказать, в зависимости от «заслуг».

Ершистость, «хулиганистость» вообще присутствовали в характере Радкевича.

М. Смородинов: «На одном из творческих вечеров Радкевич вышел на сцену, держа в руках лист бумаги. Зал заинтересованно смолк: все знали о феноменальной памяти Владимира Ильича, он мог читать наизусть сотни стихотворений, своих и собратьев по перу, и шпаргалками никогда не пользовался. Глядя в бумажку, шамкая и шепелявя, Радкевич стал читать свое известное стихотворение «У колодца». Зал подсказывал «забывчивому» запинаящемуся чтецу, уловив в его хрипотце характерные нотки речей стоящего в ту пору у кормила Леонида Ильича Брежнева. Кто-то «капнул» потом на Радкевича, и его шпыняли на обкомовском «ковре». Но такие выходки он позволял себе редко: слишком трепетно относился к поэзии».

К самому себе Радкевич относился критически и не страдал звездной болезнью, о чем свидетельствует эпитаграмма, написанная им на самого себя:

*Одним из яростных пророков
Нарисовал меня Широков.
Измазал красной,
Синей краской...
Я на портрет смотрю с опаской!*

«Больной» для поэта была и тема трезвости. О его невоздержанности в отношении спиртного ходило немало легенд. М. Смородинов: «Он и вправду мог, остограмившись, устроить импровизированный поэтический вечер, читая стихи на перекрестке улиц Ленина и Карла Маркса (Сибирской), наискосок от Союза писателей, располагавшегося тогда в Доме журналиста. Слушателей собирались толпы. И милиционеры не спешили «наводить порядок», поскольку и среди них были любители поэзии Радкевича».

Л. Мишланова: «Он был талантлив во всем. Даже ругался талантливо. Мне доводилось читать один любопытный архивный документ – протокол о мелком хулиганстве, составленный при задержании гражданина Радкевича. В нем говорилось, что названный гражданин в нетрезвом виде явился в театр и стал требовать билет на концерт. Ему отказали. Вышла ссора с представителем администрации, которого Радкевич назвал «мелкой сволочью, лысым гномом и гнилым паразитом». Тот вызвал милицию, составил акт, собрал подписи свидетелей... В результате (все документы были направлены в областную организацию Союза писателей и со временем попали в Государственный архив) в таком вот виде вошел в историю. Мораль: не связывайся с талантливым!».

Любопытна в этом отношении эпитаграмма, посвященная Евгению Вагнеру, в ту пору еще не академику, но уже председателю городского общества трезвости. Сам Вагнер относился к этой улыбке поэта с полным пониманием:

*Профессор Вагнер
побывал в Шри Ланке,
Гонял чай
с индийскими людьми.
Он всю Шри Ланку
отучил от пьянки,
Но трезвых не прибавилось в Перми.*

Но порой и сам Радкевич становился объектом эпитаграмм. Его друг, детский писатель Л. Давыдычев, посвятил ему следующие строчки:

*Лежит поэт, судьбой сражен.
Сквозь косточки пророс бурьян.
Все думают, что умер он,
А он на самом деле пьян.*

«Несанкционированные» хмельные выступления Радкевича обсуждались на писательском бюро, в результате Владимиру Ильичу было предложено пройти курс лечения в наркодиспансере, тем более, что ситуация сложилась критическая.

Вспоминает М. Смородинов: «Городу вручали орден Ленина, приехал Устинов. На церемонии вручения в театре оперы и балета Радкевич читал проникновенные стихи о

Перми, а потом в фойе, где были накрыты банкетные столы, взобрался на стул и устроил импровизированный поэзоконцерт. Хотя он и не был пьян, его, как говорится, под белы ручки, вывели через черных ход двое товарищей в штатском. Замаячила «статья», и ответственный секретарь писательской организации Олег Селянкин позвонил в наркодиспансер. Так Радкевич попал в больницу на улице Революции. Не могу утверждать, что Володю прицельно «упрятали в психушку», возможно, это был какой-то медицинский казус. Но, якобы «выводя из буйства», его за два-три дня загнали в такую депрессию, что вытягивать из нее пришлось почти два года... Пребывание в психиатрической больнице надломило Радкевича. Прежде «реактивный», всем интересующийся, он как бы потух». В 1976 г. в стихах, посвященных А. Решетову, Владимир Ильич посетовал первой строкой:

*Какой-то буйный дар утрачен.
И на какой-то малый миг
Вдруг по-осеннему прозрачен
Передо мной предстанет мир.
Прозрачны травы, звери, люди...
И весело, и страшно мне.
И жизнь видна –
до самой глубины,
Видна – до камушка на дне.*

В 1987 году Владимир Ильич был награжден орденом «Дружбы народов» за перевод стихов татарских, башкирских, коми-пермяцкий поэтов. Умер в том же году 7 июня.

М. Смородинов: «Владимир Радкевич не был «книжным» писателем, ему всегда было необходимо быть в гуще людей, «болеть тем, чем вся земля больна». Он всегда спешил на помощь, когда человек вдруг оказывался в беде, поддерживая не только словом, но и житейски, «полтинником взаимности» и личным участием».

Поэт Федор Востриков посвятил памяти В. Радкевича стихи:

*Он умер. А снится живой.
Шагает ромашковым полем,
Точнее, парит над землей!
В глазах ни грустинки, ни боли.
Такая в глазах глубина,
Такая раздольная удаль,
Что родина ясно видна
От Камы до камня Полюда!
Как в жизни, спросил он во сне,
А может, и чуточку строже:
«Ты что ж не приходишь ко мне?
Совсем на тебя не похоже».
Ну как в оправданье, скорбя,
Какими ответить словами?..
Поэт, мы зарыли тебя,
В жестокой оставили яме.
С июньских мучительных дней
Глаза виноватые прячем.
Приходим к могиле твоей
Хмельные и трезвые – плачем.*

Основные книжные издания: Разговор о счастье (Пермь, 1955), Просека к солнцу (Пермь, 1958), Уральская лирика (Пермь, 1968), Камский мост (Пермь, 1972), Избранное (Пермь, 1977), Стихи разных лет (Пермь, 1981), Уральская лирика (М., 1982), Равновесие (Пермь, 1984), Приближение к Уралу (Пермь, 1987), Слово (Пермь, 1992).

Мишланова Л. «Лежу на кровати и песни горланю...» // Звезда. 1995. 10 нояб.

Смородинов М. Озорная улыбка поэта // Звезда. 1995. 22 июля.

Писатели Пермской области. - Пермь, 1996.

Мишланова Л. «Приговорен к пожизненной любви» // Звезда. 1996. 4 янв.

Памяти Владимира Радкевича (1927-1987) // Осинский ежегодник. - Оса, 1997. - Вып. 5. -С. 77-81.

Белов Р. Спортом займется, попишет стихи // Местное время. 1997. 18 марта. С. 14.

Мишланова Л. Неизвестный Радкевич // Звезда. 1997. 24 апр.

Митягин Г. Ветвями - к солнцу, а корнями - в землю // Звезда. 1997. 26 апр.

Чернова Т. Неизвестный Радкевич // Вечерняя Пермь. 1997. 29 апр.

Смородинов М. Владимир Радкевич: Был болен тем, чем вся земля больна // Звезда. 2000. 11 февр.,
21 апр.

Чернова Т. Вспомним о поэте // Вечерняя Пермь. 2001. 2 авг. С. 6.

Смородинов М. Цветы для Радкевича // Звезда. 2001. 10 авг.

Поленова Н. Рожденные сердцем // Звезда. 2002. 23 апр. С. 4.

Чернова Т. С каплей солнца в крови // Вечерняя Пермь. 2002. 6 июня. С. 12.

Гурин И. Южная «ссылка» Радкевича // Звезда. 2003. 13 июня. С. 8.